

— В твоих глазах у меня нет права на собственные предпочтения, нет права на друзей, я не смею тебе перечить или в чем-то отказать. Дошло до того, что даже выход из дома требует твоего позволения, не говоря уже о том, чтобы порвать с тобой.

— Ты хочешь, чтобы я тебя простил? С какой стати? Потому что ты там сам себя истязал? Потому что раскаиваешься в том, что со мной сделал? Допустим, я прощу тебя, и что дальше? Мне продолжать жить в клетке, которую ты для меня нарисовал, и вкушать «царские яства»?

— Ты говоришь, что любишь меня. Ты сам-то в это веришь?

— Тебе станет легче, только когда я умру? Цзин Жун, ты этого хочешь? Хочешь увидеть мою смерть?

Бам!

Раздался взрыв. В сотрясающейся комнате Инь Ли сидел на ковре, обхватив колени руками. Цзин Жун видел, как он сам в безумном порыве бросается в комнату, а затем увидел, как Инь Ли внезапно поворачивает голову и, улыбаясь, плачет, и слезы градом сыплются в огонь. Инь Ли что-то сказал ему, но Цзин Жун не услышал ни звука.

А в следующее мгновение с потолка рухнула балка, превратив Инь Ли в кровавое месиво.

— Ха!

Цзин Жун резко открыл глаза, тяжело дыша. Перед ним не было взметнувшегося ввысь пламени, в ушах не звенело от оглушительного грохота. Он растерянно смотрел на проносящийся за окном машины пейзаж и лишь тогда осознал — это был сон.

— Цзин Жун, что с тобой? — Инь Ли нахмурился, с беспокойством глядя на него. Дорога от университета Уйда до центра города неблизкая, и, как только они сели в автобус, все трое уснули. Все было хорошо, кто же знал, что Цзин Жун вдруг вскочит в таком состоянии, да еще и с таким бледным лицом.

— Кошмар приснился, небось, — бросил взгляд Чжан Синьюань и зевнул. — Скоро уже выходим.

Цзин Жун повернул голову и посмотрел на Инь Ли. Девятнадцатилетнего Инь Ли. Цзин Жун закрыл глаза, глубоко вдохнул, а затем улыбнулся:

— Со мной все в порядке.

Инь Ли кивнул, не став расспрашивать дальше, достал из сумки салфетку и протянул ему:

— Вытри пот. Как выйдем, купим воды, вид у тебя как у привидения.

— Хорошо. — Цзин Жун взял салфетку, но не шевельнулся, лишь крепко сжал ее в руке, ощущая тепло, исходящее от Инь Ли. Это тепло дарило ему чувство опоры.

Через десять минут автобус прибыл на остановку. В тот год Цзянчэн находился на стадии бурного развития: повсюду виднелись строящиеся высотки, расширялись дороги, а частных автомобилей на улицах становилось все больше. В этот день, совпавший с субботой, многие магазины заманивали покупателей акциями к Дню холостяка, и город был полон шума, суеты и бесконечного людского потока.

В этом гуле голосов Цзин Жун наконец почувствовал связь с реальностью, и на его лице снова появилась улыбка. Уже вечерело, было шесть часов, в Цзянчэне начало холодать, и зима была уже не за горами. Лишь те немногие дни в году были по-настоящему погожими, когда небо чистое, а воздух прохладен.

— Мы сразу в Букингемский дворец? — Чжан Синьюань потер живот. — А то я ужасно проголодался.

— Цзин Жун, тебе стало лучше? — Инь Ли сначала спросил его, и, получив утвердительный ответ, сказал Чжан Синьюаню: — Я спрошу у Вэньфан, если она сможет выбраться, поужинаем вместе, если нет — пойдем втроем.

Инь Ли позвонил Му Вэньфан, и та велела им сразу ехать в Букингемский дворец, где тоже подавали ужин.

Когда они прибыли на место, здание заставило Чжан Синьюаня разинуть рот:

— О господи, это что, настоящий дворец?

Букингемский дворец был самым известным в Цзянчэне закрытым развлекательным клубом. Всего три этажа: на первом — караоке, на втором — чайная и зоны отдыха, а на третьем Инь Ли никогда не бывал. Роскошный и величественный интерьер, сочетающий в себе элементы античной архитектуры и западных дворцов, с первого взгляда действительно производил впечатление.

— Вон Вэньфан, — Инь Ли, явно бывавший здесь не впервые, провел друзей внутрь. Му Вэньфан стояла прямо у входа.

Она выглядела мило: в нарядном платье, волосы уложены на затылке с хрустальным украшением, пара завитых локонов обрамляла лицо. В руках — маленькая лаковая сумочка, на ногах — туфли на шпильках. Настоящая светская львица.

Инь Ли приподнял бровь:

— Ты что, на свидание вслепую собралась?

Му Вэньфан:

— ...Прошу тебя, не произноси при мне эти два слова.

Инь Ли опешил:

— Да ладно? Тебе всего девятнадцать, неужели твой старик совсем лишен человечности?

— Ой, проехали. Мы пришли веселиться, так что заказывайте, что хотите. Пойдем сразу в отдельный кабинет? Пить будете?

— Пиво! — выпалил Чжан Синьюань.

— Рио, — ответил Инь Ли.

— Мне то же, что и Инь Ли, — добавил Цзин Жун.

Му Вэньфан подошла к барной стойке, сделала заказ, а затем махнула рукой:

— Пошли! Сегодня никто не уйдет, пока не напьемся вдоволь.

Инь Ли:

— ...

Му Вэньфан была типичной королевой караоке, которой обязательно требовались аплодисменты. Спустя час после ужина Инь Ли с друзьями только и делали, что звенели бубнами и подбадривали ее, но с алкоголем это не казалось таким уж скучным. Они пили наперебой, и Цзин Жун, опасаясь, как бы Инь Ли не перебрал, с облегчением заметил, что тот знает меру. К тому же Инь Ли выглядел расслабленным — казалось, в полумраке этого кабинета он чувствовал себя в большей безопасности.

Му Вэньфан закончила очередную песню и наконец отдала микрофон:

— Кто следующий?

— Я, я! Классика, без которой не обходится ни одно караоке! — Чжан Синьюань нетерпеливо схватил микрофон и сразу включил заранее выбранную песню.

Пел он, может, и без особых вокальных данных, но с душой и напором.

Выкричавшись вдоволь, Чжан Синьюань под аплодисменты сдал микрофон:

— Горло пересохло. Кто теперь?

— Цзин Жун, давай ты, — с улыбкой предложила Му Вэньфан.

Цзин Жун взял микрофон и спросил:

— Что хотите послушать?

Чжан Синьюань и Инь Ли удивились, ведь в их представлении Цзин Жун был парнем простоватым и не умеющим выражать свои чувства. Они ожидали, что он будет отнекиваться, а он так легко согласился.

Видя его уверенность, Му Вэньфан предложила:

— Как насчет Исона Чана? Это же божество, не знаю только, потянешь ли ты.

Цзин Жун улыбнулся:

— Тогда пусть будет Не молчи Исона Чана.

Сказав это, он поднялся с дивана и потянул за собой Инь Ли:

— Пошли, постоишь рядом.

Инь Ли, оказавшись на импровизированной танцплощадке, не стал ломаться и, встав напротив Цзин Жуна, принял вид подыгрывающего. Цзин Жун широко ухмыльнулся и сказал Му Вэньфан:

— Начинай.

Му Вэньфан и Чжан Синьюань уселись с видом зрителей, предвкушающих шоу, и с долей злорадства поглядывали на Инь Ли. Тот закатил глаза и в шутку отвесил Му Вэньфан изысканный поклон.

Зазвучала музыка, и взгляд Цзин Жуна мгновенно стал сосредоточенным. Инь Ли стало неловко под этим прицелом, и он отвел глаза, уставившись на микрофон в руках Цзин Жуна.

Как только вступил ритм, Цзин Жун запел мягким голосом:

— Темная гладь моря полна белого лунного света... Я в забытьи смотрю на морскую даль, не зная, куда улетают мысли...

Его голос — глубокий и чистый, словно необработанный нефрит, — был слегка приглушен, отчего звучал невероятно сексуально, до мурашек. Остальные трое в кабинете вмиг вытаращили глаза.

Чжан Синьюань:

— Офигеть...

Му Вэньфан:

— Боже мой...

А Инь Ли с первой же ноты вскинул голову и нечаянно утонул в нежном взгляде Цзин Жуна. В то мгновение ему показалось, что невидимая рука сжала и отпустила его сердце, а кровь хлынула в сосуды так стремительно, что он почувствовал, как вибрирует грудная клетка.

— Должна ли любовь к человеку быть безмолвной? Я думал, ты понимаешь, когда я смотрю на тебя... Мои тайны спрятаны...

— Я готов петь охрипшим голосом в углу... Даже если громко, это все для тебя... Пожалуйста, слушай сердцем... Не молчи...

— Я готов черным карандашом... нарисовать немую пьесу... Даже если свет ослепляет, я обниму тебя...

— ...Любовь — это значит слушать сердцем... Не молчи.

Когда песня закончилась, Чжан Синьюань вскочил и затряс бубном:

— Просто потрясающе! Цзин Жун, откуда у тебя такой голос? Ты настоящий талант!

Му Вэньфан тоже зааплодировала:

— С такой внешностью и таким голосом ты в два счета заткнешь за пояс всех этих женоподобных идиотов.

Цзин Жун улыбнулся, притянул Инь Ли за локоть и тем же низким, бархатным голосом позвал его:

— Инь Ли, ты...

— Ой! — Инь Ли, словно от удара током, отдернул руку и, опустив голову, бросился к выходу. — Я, я в уборную!

— Там же в кабинете есть туалет... — озадаченно пробормотал Чжан Синьюань.

Му Вэньфан хитро сверкнула глазами, сложила ладони и рассмеялась:

— Ой, я тоже схожу. Вы продолжайте, я по пути фруктов прихвачу.

Когда она вышла, Инь Ли был уже в конце коридора, и Му Вэньфан пришлось пробежать несколько шагов, чтобы догнать его.

— Эй, Инь Ли, ты чего... О господи, почему у тебя такое красное лицо? — удивленно воскликнула она.

— Черт, тише ты! — Инь Ли поспешно приложил палец к губам, затем в ярости растер лицо и, добежав до большой раковины у входа в уборную, плеснул на себя холодной водой. Му Вэньфан не знала, что дело было не только в лице — то место на руке, где его держал Цзин Жун, тоже горело огнем.

Му Вэньфан стояла рядом и смотрела, как он остервенело плещет на себя водой, и ее глаза округлились, а рот приоткрылся:

— Боже, Инь Ли, неужели это из-за песни Цзин Жуна? Ты... ты что...

— Заткнись! — Инь Ли быстро перебил ее: — Кто его просил так на меня пялиться во время пения? Да и откуда я знал, что он так поет? Это все акустический эффект, просто акустика!

Му Вэньфан приподняла бровь:

— Оправдания — это лишь способ скрыть правду. Чжан Синьюань и Цзин Жун может и не знают, а я-то тебя знаю. Слушай, если ты на самом деле запал на Цзин Жуна, то это неплохо. Он парень простой, надежный, к людям относится хорошо...

— Му Комар, закрой рот, — Инь Ли, разозлившись, назвал ее тайным прозвищем. — У меня к нему нет таких чувств. Он не в моем вкусе.

— Ой, Ли-Ли, как говорится, человек предполагает, а жизнь располагает. Вкусы меняются с возрастом и опытом. Не торопись, я подожду, — Му Вэньфан, не желая уступать, с улыбкой произнесла детское прозвище, которое Инь Ли ненавидел всей душой.

— Чего ждать? Даже если бы что-то изменилось, он все равно не из наших. — Инь Ли понуро опустил плечи. Лишь в две тысячи первом году в стране гомосексуальность исключили из списка психических заболеваний. Однако большинство людей по-прежнему считало это болезнью или извращением. В такой среде Инь Ли никогда не решался признаться в своей ориентации. Он подавлял себя, чуть не дойдя до депрессии. Любовь? В его словаре это слово было синонимом несбыточной мечты.

— Ладно, пошли назад, — Инь Ли потер лицо и предупредил Му Вэньфан: — Только не вздумай ляпнуть что-нибудь при Цзин Жуне.

— Ты что, считаешь меня настолько невоспитанной? — Му Вэньфан закатила глаза и повернула обратно. Но стоило ей завернуть за угол, как она столкнулась с кем-то, кто выходил из бокового коридора.

— Кто, черт возьми, не смотрит, куда идет... О, Инь Ли? — мужчина, в которого врезалась Му Вэньфан, повысил голос.

<http://bllate.org/book/19086/1874309>